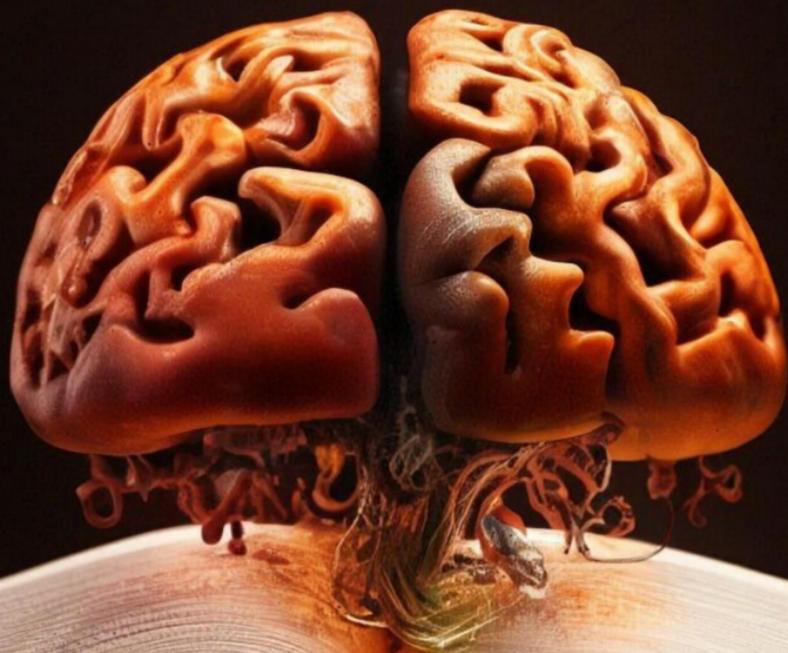

Владимир Бахарев

Категория "разум и язык"

Владимир Алексеевич Бахарев

Категория «разум и язык»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70324384

SelfPub; 2024

Аннотация

Принципиально новая трактовка сущности главных человеческих «начал» – его «разума» и «языка». В ее основе лежит понимание того, что эти наши «начала» в своей совокупности образуют особую, замкнутую друг на друга причинно-следственную систему, в рамках которой и по сей день происходит самая удивительная метаморфоза бытия – процесс их возникновения, становления и саморазвития. Обложка сделана с помощью нейросети Deliberate-3.

Владимир Бахарев

Категория "разум и язык"

Когда «причина» порождает «следствие», а «следствие» – «причину», ее породившую, Природа обнажает особые свои системы, в рамках которых протекает главная метаморфоза бытия – видоизменение образующих ее «начал» Одну из таких систем, возникшую и развившуюся в психеи биологического вида Ното и выражает категория «разум и язык».

Еще древние греки начертали на одном из своих пантеонов уникальный тезис: «Познай самого себя». С одной стороны его можно понимать как обращение древних мыслителей к каждому из нас, но, с другой – как их призыв к человечеству в целом. И человечество познавало себя. В трудах многих поколений философов, историков, биологов, археологов, антропологов, лингвистов, этнологов, психологов, физиологов и т.д. постепенно и все более рельефно вырисовывался человеческий автопортрет.

Категория «разум и язык» привносит в него существенные штрихи. В ее основание положено понимание того, что определяющие нас «начала» – «разум» и «язык», напрочь отдалившие нас от остального животного мира, являются, прежде всего, «элементами» именно тех «систем» философского толка, которые гении седой старины чохом величали

«Единством противоположностей», то есть «Единством» таких неведомых сил Природы («духов», по языческому поверью), которые, во-первых, в принципе не могут существовать друг без друга, а, во-вторых, в ходе совместной деятельности каждая из них враждебно относится к ремеслу своего визави, стремясь, образно говоря, показать что «главной» силой в образуемой ими системе как по своему «первородству», так и «ремеслу», является именно он.

Такое отношение к нашим «началам», их толкование как «элементов» системы философского толка, позволяет не только выхолостить весь субъективизм в оценке сути «ремесла» каждого из них, но и на «законном» основании (на основании «законов диалектики») проследить весь путь их «становления» и «саморазвития» в нашей плоти в любом масштабе времени, будь он «историческим» или «временем жизни» каждого из нас.

На протяжении всей своей Истории Человек пытался постичь своего «Творца». Подавляющее большинство из нас и теперь, вторя «мудрому невежеству» седой старины, ищет его на Небесах. Настоящая категория прерывает безумство такого поиска и утверждает, что наш «Создатель» гораздо ближе к нам. Он земной. Он неплохо устроился в «психе» нашего головного мозга, обескураживая нас своим «ремеслом» и той производимой им «продукцией», которая позволяет нам в вербальном формате исчислять любые «вещи» бытия, будь они его «объектами», либо их «свойства-

ми», либо их «отношениями» и независимо от того постигаемы они нашей чувственностью или нет. И этим «Творцом» является именно она – саморазвивающаяся в масштабе исторического времени система «разум и язык». Саморазвиваясь в волнах ушедших поколений именно она исподволь превратила биологический вид Номо в Номо sapiens.

Верится, что настоящая категория поможет современникам и грядущим поколениям открыть новые горизонты в познании самого себя и того «Бога», который неумолимо воспроизводит нас на Земле, и навсегда избавиться от «феноменологии духа» и тех «софизмов» наших Великих предков, которые возвели вокруг наших «начал» ореол таинственности и мистицизма.

Свой «разум» и «язык», о «ремесле» которых нам поведала седая старина, мы вправе считать своими главными «началами». По философским меркам именно они наиболее контрастно отдалают нас от остального животного мира, позволяя нам не только «познавать» бытие путем вербального исчисления всех его «вещей», но и в унисон этим знаниям особым образом обустроить свою жизнь на Земле. Опираясь на их «силу», Человек постиг многие Тайны бытия. Однако не меньшее их число и по сей день остаются для нас «вещами в себе»: «черными дырами» и «белыми пятнами» зияют они в нашем «сознании».

К ним относя и сами наши «начала». Мы, и теперь не

способны внятно ответить на простые, казалось бы, вопросы: как и каким образом они «вселились» в нашу «душу» и «плоть» или, что одно и то же, какова «технология» их происхождения.

Нельзя сказать, что «мудрость тысячелетий» пасовала перед этой проблемой. Наши Великие предки наплодили целый сонм версий на эту тему, положив в основание непреложную для каждого из нас «истину», гласящую; «прежде, чем что-то сказать, мы думаем» и утверждающей, что в нашей плоти «свободно» действует лишь оно – наше думающее «начало». Это оно мыслит бытие и «думает», причем не абы как, а абсолютно «свободно». По мнению Р. Декарта в своем «мышлении» наш «разум» не нуждается «ни в чем, кроме самого себя и содействия Бога».

Но так ли это на самом деле. Ведь «Законы диалектики», постигнутые людьми, указывают на то, что происхождение любой «вещи» на Земле невозможно без наличия в ней ее «антипода», то есть такого «начала», которое обладает диаметрально противоположным «ремеслом». Таким «началом», в пикку нашему «разуму», как раз и является наш «язык».

Действительно, если по философским меркам категория «разум» вместе с его продукцией (идеями) чувственно нам недоступна, то «язык», вместе с его продукцией вполне постижимая нами «вещь». Если «разум», по все тем же меркам, не имеет собственного тела, то «язык» имеет. Если «разум»

олицетворяет собой «силу-волю», причем не абы какую, а творческую, то продукция нашего «языка» – «вещь» законченная, безвольная и инертная. Если наш разум способен в актах своего сакрального «ремесла» постигать «идейную» сторону любых «вещей» бытия, то «язык» способен лишь озвучивать ее, придавать ей лингвистический окрас и т. д..

В рамках настоящего эссе мы постараемся показать, что именно такое деление свойств и функций между нашими «началами» не дает нам никакого шанса постичь их реальную природу и сущность.

Изначально, наши далекие предки «твердо» знали о существовании в бытие двух составляющих его частей – «Материи» и «Духа».

Под «Материей» древние понимали тот «исходный материал» («доски», по разумению Великого Аристотеля), из которого «сколочены» все «вещи» Мира телесного, то есть того Мира, который «дается нам в ощущениях» или который предстает перед нашим «чувственным взором». Под «Духом» древние понимали иную субстанцию бытия: она бестелесна и недоступна нашей чувственности. Мы даже не догадывались бы о его существовании, если бы не телесный Мир. Он изменчив и подвижен. А это по разумению древних как раз и есть свидетельства о его наличии в бытие. Это он, «Дух», обладая силой-волей, ворочает «вещами» Мира телесного, изменяя их состояние.

В философии эта «сила» изначально выступала под именем «Нуса» (Анаксагор), затем – «Логоса» (Гераклит), а затем и «Разума» (старославянский перевод философской категории «Нус»). По меркам Великого Аристотеля продуктами его творчества является любая «вещь», наблюдаемая нами здесь и сейчас.

В монотеистической религии под «Разумом» понимался Бог. Это он, «познавая себя и для себя» в «мышлении», нерукотворно созидал телесную статью бытия во всех сферах его проявления в чувственном. А, если учесть, что «мысль» о предмете («идея») и предмет мысли («Слово»), как считали древние, суть одно и то же, то крылатое выражение библейского оракула Иоанна: «В начале было Слово и Слово было у Бога и слово было «Бог»», выражало главный момент нерукотворного сотворения Им бытия. Философам оставалось лишь понять «технологию» Его «мышления» и тогда они могли бы заявить, что Мир, в котором мы живем и действуем, ими познан.

Однако постичь суть «мышления» Бога оказалось не таким уж и простым занятием. Разве что такую попытку сделал Великий Гегель. Он, как ему показалось, нашел формулу этого Его ремесла. Она имела простой вид и выражалась в виде триады типа: «тезис – антитезис – синтез», где «синтез» ранее постигнутых Им «Идей» («тезиса» и «антитезиса») понимался Гегелем как «естественный» процесс Его «мышления». В нем, в этом процессе, по мысли Гегеля, проистекало

согласование всех тех параметров простых «Идей», априори постигнутых Им, которые изначально противоречили друг другу во всем. Так, например, вещал сей оратор, «Идеи» типа «почка» и «цветок», ранее постигнутые Им, превращались в «идею» – «плод», которая устраивала как идею «почка», так и «цветок».

Такое «мышление», где противоречивые силы «Духа» преследуют одну и ту же цель – познать истину о предмете – древние греки называли «диалектикой». Поэтому «синтез» противоречивых «идей» и получил это имя, а само «мышление» Духа (как такового) стало называться «диалектическим»: оно проистекало в форме «спора» между «Идеями» тех «вещей», которые в языковом формате считались противоречивыми («почка» и «цветок», в нашем примере). В этом «споре», как заявил Гегель, и рождалась «истина» – «плод».

Отсюда-то и вытекали Законы диалектического мышления Бога. Первый из них провозглашал «Единство и борьбу противоположных сил, заложенных в уме Бога; второй – о переходе количественных изменений простых «Идей» (в процессе их синтеза) в новое качество, и, наконец, третий – провозглашал «отрицание отрицания», то есть непрерывный процесс отрицания в «мышлении» всех тех «вещей», «идей» которых постигались Богом ранее, априори, до их «синтеза». При этом «синтез» противоречивых «идей» и был провозглашен Гегелем «небесной механикой» или «технологией мышления» Вселенского «Разума», Бога. Из чего следу-

ет, что «Разум» в монотеизме, есть не простая сила «Духа», а «мыслящая», причем не абы как, а «диалектически». Так что проблема сотворения бытия на философском уровне, по мысли Гегеля, была успешно им решена.

Вместе с тем, задолго до античных времен (более 1,5 тысяч лет до н. э.) философами-натуралистами был подмечен реально действующий в бытие Закон. Он вошел в нашу Историю под именем «Закона равновесия». Его суть выражалась следующим образом: если где или когда-нибудь в бытие проявляла себя некая сила, стремясь изменить состояние его «вещей», то здесь же, автоматически, возникала иная сила, иной «дух» с диаметрально противоположным ремеслом, который всегда стремится укротить бунтаря, сгладить его проявления. Сей процесс продолжается до тех пор, утверждали древние, пока меж «бунтарем» и этой, неведь откуда взявшейся силой («духом»), не наступает «равновесие»: горячее – остывало, быстрое замедлялось, молодое – старело и т. д. и наоборот.

На базе этого Закона торжествовала иная религия. Ее имя – «зороастризм» или «манихейство» (первые говорили о наличие в Природе «духа» Добра и Зла, а вторые – о наличие в нем «духа» Света и Тьмы) Первая при этом надежно решала проблему «добра» и «зла», с которым люди постоянно сталкивались в ходе своей жизни. Там, где действовал «дух Зла», там от человека требовалось его «умиротворение», там же, где действует «дух Добра» – «благословение». Так и жи-

ли люди в стародавние Времена, опасаясь Зла и стремясь к Добру.

Нельзя сказать, что религия «зороастризма» не нашла своего отклика в философии». Дуализм «Духа» повлек за собой учение Гераклита, который не без оснований стал утверждать, что «духи», владеющие противоположным ремеслом, не могут существовать сами по себе, друг без друга. На языке пиитов это означало: их объединяет такая чудотворная сила («дух») «любви», которая пророчит им обоюдную смерть, в случае гибели хотя бы одной из них, так что порядок «вещей» в бытие и их состояние они устанавливают всегда вместе.

Все дело, говорил Гераклит, упирается во власть. Власть дает свободу победителю во всех его начинаниях и «связывает руки» побежденному. Если при сооружении какой-либо «вещи» власть принадлежит одному «духу», то второй из них всегда находится в угнетенном состоянии. Поэтому «вещь», которую строит «победитель» приобретает за время его власти такие «надстройки», которые обеспечивают ему, и только ему, комфорт. При этом власть предержавший «дух» вовсе не обращает внимание на «остатки» побежденного «духа», то есть на те его «остатки», которые в ходе войны победитель преодолеть не смог. Он даже не замечает их, полагая, что они исчезли насовсем. Только это не так: за время триумфа победителя его «противоположность» постепенно набирает такую силу, которая свергает ненавист-

ную власть и первым делом уничтожает (преодолеывает) все те «надстройки», которые обеспечивали свергнутой власти комфортное существование. И все начиналось заново.

Отсюда-то и возник вопрос: из чего все-таки состоят те «вещи», которые мы теперь наблюдаем или, иначе, которые теперь предстоят перед нашим «чувственным взором». Здравый смысл подсказывает: каждая из сторон вносит свой вклад в ее строительство, причем тот и такой, преодолеть который в ходе «войны» за власть «духи» не в состоянии. Эту «разницу» они даже не замечают, но именно ее Великий Гераклит и назвал «грацией», «грацией разностей». Именно из этих «непреодолимых» и строился внешний облик нашей планеты и всех тех его «вещей», которые даются нам в ощущении.

Любая «вещь» бытия строится противоположными силами («духами»), утверждал Гераклит. Единственное, что ограничивает строительство ее телесной стати, являются лишь те условия внешней среды, где данная «вещь» находит себе приют. Внося свой вклад в строительство данной «вещи», противоположности вовсе не советуются со своим визави. Они занимаются исключительно обустройством своего комфорта и им нет никакого дела до стенаний своей противоположности.

Таким образом и создавался порядок «вещей» в бытие, утверждал сей гений. И не только на нашей планете, но и во Вселенной. Отсюда-то и вытекали его знаменитые неологиз-

мы: «Все в мире течет, все изменяется»; «В одну и ту же реку нельзя войти дважды»; «война» есть мать всему, а «антагонизм» противоположных сил в бытие и есть тот «перводвигатель», который искали древние и который остановить или хотя бы затормозить невозможно.

Добро и Зло, которым поклонялись «зороастрийцы», по сути, выражали их отношение к тем явлениям, которые они переживали. При этом решать, что есть Добро или Зло отдавалось им на откуп. Но их решения оказывались ситуативными. Одно и то же событие, например, победа в «войне», для одной стороны является Добром, а для другой – Злом. Поэтому философы, дабы устранить эту ситуативность вывели абсолютную разницу между ними. Добр и Зло в их трактатах приобрели особые оттенки: каждое из них стало выражать «Единство» существования тех «духов», которые не приемлют друг друга и всегда находятся в состоянии «вражды» меж собой. И не обывателю решать, что это такое.

Итак, мы показали два способа нерукотворного сотворения бытия и порядка его «вещей» – «гегелевский» и «гераклитовский» Вам, дорогие наши читатели решать, какое из них правдоподобно: «гегелевский» в основе которого лежит не только монотеизм, но и наша собственная самоочевидность, гласящая: «прежде, чем что-то сказать, мы думаем или «гераклитовский», в основе которого лежит реальный закон, действующий в бытие, «Закон равновесия».

Но в Риме победил монотеизм. Уверовав в единого Бога, люди полагали, что главным его достоянием является думающее «начало» – «разум», который подарил им Бог в ходе нерукотворного сотворении Человека. Именно он напрочь отдаляет его от остального животного мира, позволяя ему постигать обустройство бытия. В сакральных актах своего ремесла – «мышления» – наш «разум» постигает такие «вещи» духовного свойства, которые мы теперь хором называем своими «знаниями» о нем. В общем случае они безымянны. Великий Платон чохом называл их «Идеями», в которых, по его мнению, и нуждается наш «речевой аппарат» – «язык». Без «Идей», согласно нашей «самоочевидности», гласящей «прежде, чем что-то сказать, мы думаем (мыслим), он молчит.

«Язык» так же считается «подарком» Бога. Он не менее контрастно отдаляет нас от иных животных. Однако в силу своего прагматизма и канонизации «разума» к этому своему «началу» люди всегда относились потребительски, называя его главную функцию «быть средством общения», то есть «быть не менее сакральным приложением к нашему «разуму». При этом вопрос о том, какое из этих двух «начал» аккумулирует в себе главную силу познания бытия, люди даже не обсуждали. Зачем обсуждать «самоочевидную» истину, тем более, если лучшие умы планеты уверяли свою паству, что «мыслить», значит «существовать» и что в своем «познающем» ремесле наш «разум» абсолютно свободен: он ни в

чем не нуждается, кроме самого себя и содействия Бога» (Р. Декарт).

По меркам философов-монотеистов, наши главные «начала» есть нечто «целое». В своей совокупности они образуют универсальную систему исчисления бытия, которую иначе, нежели «вербальной» (словесной), не назовешь. Ее вид, с позиции инженерии, изображен на рис.1, а ее функционирование в категориях философской мудрости описывается примерно так:

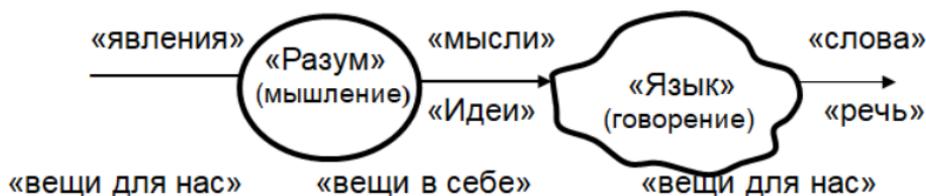

Рис. 1. Вербальная система исчисления бытия.

Все чувственно нами воспринимаемое («вещи для нас», если следовать риторике Великого И Канта), поступает на «вход» элемента «разум». Он, будучи «вещью в себе» (чувственно нами не доступной), оценивает каждую «вещь для нас» на предмет наличия в ней «духовной составляющей» – «Идеи», и постигнув ее в «мышлении», передает сей безымянный «продукт» элементу «язык». Последний, обладая звуковой гармонией озвучивает его продукцию, придает ей «явный» вид, звучащую форму, что, собственно, и свиде-

тельствовало о наличие в нашей плоти «думающего начала» – «разума». Все так и есть, говорили философы-монотеисты.

Но обратимся к фактам нашей Истории. Она преподнесла человеку достаточно много примеров, когда с раннего детства его ребенок, по иронии судьбы, развивался в «обществе» диких животных. Лишившись в силу этого «языкового» общения с соплеменниками, он не только не приобретал этого своего «подарка», но и того, что мы называем своим «разумом». Обследование «маугли» (а именно о них идет речь) показало, что в своей жизни они руководствовались отнюдь не продукцией своего познающего «начала» – «разума», не его «идеями», а скорее теми своими «началами», которые с подачи великого Павлова, мы называем теперь «врожденными» или «приобретенными» инстинктами.

Из этих фактов вытекает, что «язык» в нашей жизни играет куда более важную роль, нежели ту, которую ему отвел человеческий прагматизм. Эти факты с высокой достоверностью убеждают, что главная функция нашего «языка» состоит не столь в обеспечении человеку общения с соплеменниками, сколько в пробуждении и развитии его «главного» ноумена – «разума»

К этой же мысли приводит и попытка ответить на риторический, казалось бы, вопрос: что изначально зародилось у наших пращуров – биологического вида Номо (гоминидов)

– «разум» или «язык»?

Если опираться на обыденную (аристотелеву) «Логику» и ее Законы в постижении «истин» более высокого порядка, то ответы на него неизменно вгонят нас в тупик. Действительно, отвечая на него, подавляющее число наших оппонентов, не особо задумываясь, отдадут приоритет «разуму», положив в основание своего доказательства тот факт, что «слово», как осмысленное «начало» и как основная «единица» нашего «языка», в принципе не могло появиться у гоминидов раньше, нежели сам «инструмент» его «осмысления и понимания» – «разум»

Нельзя сказать, что их доводы не убедительны. Но приведенные выше факты нашей Истории «говорят» об обратном: без вербальной обработки «психеи» головного мозга нашего потомка, его «мыслящее начало» – «разум» – даже не способен пробудиться. Тем самым сей факт напрочь опровергает сентенции Великого Декарта, который учил нас «правильному мышлению» и утверждал, что в своем сакральном ремесле наш «разум» абсолютно свободен и «ни в чем не нуждается».

Вместе с тем, у иных наших оппонентов, отягощенных «мудростью тысячелетий», вполне может зародиться мысль о том, что неспособность «маугли» к вербальному общению обусловлено исключительно его одиночеством, то есть отсутствием в стае, где он нашел себе приют, животных, подобных ему по плоти и крови. Возможно, что это и так. Воз-

можно, что в житейском споре они и смогли бы, пусть и на тарабарском «языке», но наладить между собой диалог. Однако такую мысль напрочь парирует иной факт из нашей Истории. Его нередко муссируют в своих книгах психологи и лингвисты. А суть его состоит в следующем.

В середине XVI века некий падишах Акбар (в иных источниках – Ахмат) провел довольно жестокий, но удивительный по своему результату «эксперимент». Набрав группу новорожденных детей различной национальности, этот «искатель истины» искусственным путем оградил их от вербального «общения» с ними. Свой «эксперимент» он провел с единственной целью – дабы убедиться в справедливости утверждений своих придворных «мудрецов», уверявших его, что со временем, несмотря на такие условия пребывания детей, ребенок турка заговорит по-турецки, перса – по-персидски и так далее. О том, что оторванные от своих родителей дети наделены «разумом», в силу их человеческой природы, у «мудрецов» (да, видимо, и у самого «экспериментатора») не было никаких сомнений. Но каково же было их изумление, когда через несколько лет, посетив вольеры, где росли дети, их окружили визжащие, шипящие и звероподобные в своем поведении «животные с человеческим лицом».

Этот исторический факт лингвисты и психологи приводят в качестве мощного аргумента в пользу социальной природы нашего «языка». Но разве совместное проживание новорожденных не составлял момент их социальности. Ведь

им никто не препятствовал в «общении». Однако сей факт мы привели лишь для того, чтобы показать его «первородность» по отношению к нашему «разуму». Он неопровержимо утверждает, что если искусственным путем пресечь вербальное общение соплеменников с нашим потомством, то он, пусть и с «человеческим лицом», но превращается в обычное животное. И как бы не изворачивалось «мышление» тех, кто считает «разум» своим главным достоянием, им придется задуматься над этим.

Из изложенного вытекает, что поставленный нами вопрос о «первородстве» одного из главных наших достояний относительно другого не совсем простой и вовсе не риторический. Всякая попытка однозначно получить ответ на него в «лоб», то есть – опираясь на аристотелеву «Логику» и ее Законы в постижения «истин» более высокого порядка, неизменно вгонит нас в тупик, приведет к противоречию, к ярко выраженной проблеме. Перед подобными проблемами эта «Логика» складывает свои полномочия. Она просто не способна разрешать их: порождая в среде обывателей противоречивые «истины», именно она инициирует в ней бесконечные споры, которые, как правило, разрешаются ими единственным способом – путем привлечения более «тяжеловесных аргументов». И у кого из них сии «аргументы» окажутся более весомыми, тот в этом споре и считал себя «победителем».

Ослепленные эйфорией этого своей «победы», обыватели

уже не способны понять, что сама проблема, решаемая ими в споре, так и остается для них открытой (логически незавершенной).

Однако, в анналах философской мудрости, если следовать ее Истории, исподволь зарождалась иная «логика» постижения «истин более» высокого порядка о предмете спора. Об этом мы говорили в начале нашего эссе. Ее Законы, сформулированные по иронии судьбы Великим Гегелем и названные им «диалектическими», способны примирить противоречия метафизиков, и привести их к пониманию ущербности и тщетности их споров и именно тогда, когда они сталкиваются с особыми «началами» Природы. В своей совокупности такие ее «начала» образуют замкнутую причинно-следственную систему или так называемое «диалектическое кольцо» (философский символ вечного движения), где невозможно понять какое из ее «начал» является «первородным» по своему происхождению, а какое «следствием».

Попробуйте, например, ответить на простой и «понятный» для каждого из нас вопрос: какое из двух «предметов» бытия «курица» или снесенное ей «яйцо», являются «первородным» по своему происхождению? Или, иначе: какое из них является «причиной», а какое «следствием» существования этого вида животного на планете?

В античные времена подобные системы чохом величались «Единством противоположностей», то есть «Единством» таких пар «чудотворных сил» Природы («духов», по языческо-

му поверью), которые существуют только вместе и никогда в отдельности. Это они, как уже отмечалось в начале изложения данного эссе, постоянно «дерутся» меж собой, поддерживая тем самым в них «равновесное состояние»

Философия вопроса о существовании на Земле ее флоры и фауны начинает свой разбег вовсе не с описания жизни конкретного животного, а с описания принципа его существования на нашей планете. В этом плане вряд ли кто из нас будет отрицать, что само существование на Земле «курицы» и ее «яйца» поддерживают вовсе не одна, а две чудотворные силы бытия. Одна из них, по меркам древних, ваяет куриную плоть, а вторая – плоть ее «яйца». Именно эти две силы и олицетворяют собой ту «систему», которую «мудрость тысячелетий» и называла «Единством, противоположностей»: напрочь слившись в рамках этого вида животного, это они, «духи», ненавидя друг друга, обеспечивают ему жизнь на планете.

При этом нетрудно видеть, что сама жизнь этого вида животного протекает в форме непрерывной череды событий типа: ... – «курица» – «яйцо» – «курица» – «яйцо» – «курица» и т. д., не имеющей (за время нашей жизни) ни своего начала, ни конца.

Нельзя не заметить и другого, что указанную череду событий, формально можно представить в виде замкнутой «системы», элементами которой они являются, то есть в виде системы «курица и яйцо», образуя тем самым собой «коль-

цо» – символ «вечного движения» в философском его понимании.

Вместе с тем, если опираться на данные современной Науки, в этой череде событий невозможно найти хотя бы пары кур или их яиц, которые были бы копиями друг друга («клонами», как теперь их принято называть). А это как раз и является свидетельством их изменчивости во времени или то, что в своих трудах искали Великие Дарвин, называя эту изменчивость «эволюцией», или Гегель, ища «диалектику» в уме Бога, или Гераклит, нашедший «ключ» к объяснению этой изменчивости.

Нельзя сказать, что подобные «кольца» существуют только в живой Природе. Разве круговорот воды в ней не олицетворяет собой именно такое «кольцо». Разве в этом процессе не участвуют такие силы, которые направлены друг против друга, изменяя агрегатное состояние воды. Разве с помощью своих парных категорий типа «инь и янь», «часть и целое», «необходимость и случайность», «форма и содержание» философы не пытались описывать «вечные» процессы, происходящие в бытие. Или психологи, обнаружив наконец-то это «кольцо» в своем предмете, не связали в «Единое» его психические и физиологические процессы. И разве экономисты, в лице К. Маркса, натолкнувшись на систему «товар и деньги» и, доведя ее до абсурда, не указали «пролетариату» (тем, кому терять нечего, кроме своих цепей) «светлый путь» к своему освобождению от «ига» капиталистов.

Обобщая сказанное можно смело утверждать, что *там, где «причина» порождает «следствие», а «следствие» – «причину», ее породившую, Природа обнажает свои особые системы, в рамках которых протекает самая удивительная метаморфоза бытия – «видоизменение» образующих их «начал»: приобретение или утрата ими своих структур, форм и содержания, свойств и характера взаимоотношений.*

Убедиться, например, в том, что «курица» и «яйцо» являются одними из таких «начал» Природы, довольно просто. Для этого достаточно уничтожить либо всех «кур», либо все снесенные ими «яйца». С полным уничтожением одного из них непременно исчезнет и другое. Это и есть свидетельство «разрыва» философского «кольца» и одно из свидетельств «небесной механики» – «диалектики».

О наличие диалектических «колец» в Природе и их способность к естественной гибели свидетельствуют не только те камни, которые археологи находят на нашей планете и которые напоминают им животных, канувших в Лета, но и «Красная книга» тех из них, которые и теперь находятся на грани вымирания. Но то, что все они имеют единый «диалектический» окрас – неоспоримый факт. Благо трудами биологов был найден их «антипод» – «генетический код» («геном»), что позволяет теперь философам описывать их «функционирование» в одном и том же ключе – в системе «биотип и генотип».

В аналогичных отношениях находятся и обсуждаемые нами атрибуты человека – его «разум» и «язык». Тот тупик, в который нас вгоняет обыденная логика при решении вопроса об их статусе, является прямым свидетельством этому, а эксперименты, которые провел по своему седому невежеству персидский падишах и многочисленные факты «маугли» с высокой достоверностью убеждают нас в этом: главные атрибуты человека не могут существовать друг без друга. В своей совокупности они образуют замкнутое «Единство», замкнутую причинно-следственную систему (см. рис. 2), в рамках которых невозможно понять какое из них является «причиной», а какое «следствием» их существования.

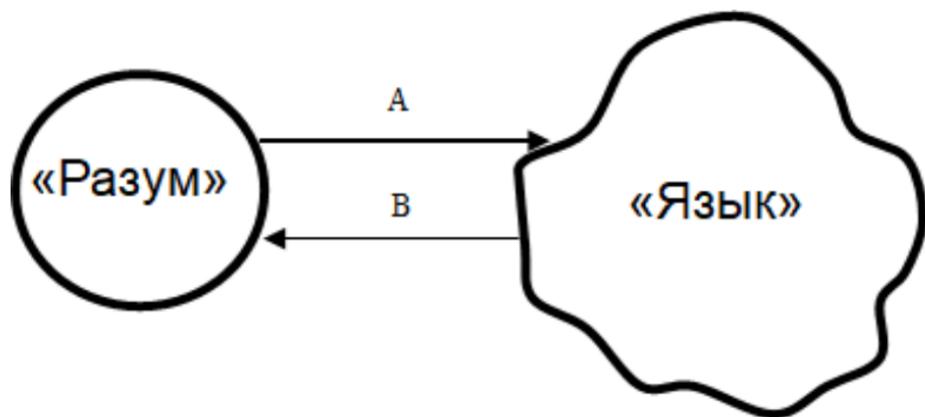

Рис. 2. Система «разум и язык»

И, если следовать «Законам диалектики», описывающих

принципы фрактального «движения» всех сущностей бытия, саморазвитие этой психофизической по своей сути системы в масштабе исторического времени следует понимать только так: *человеческий «разум» зародившийся в ходе эволюции в «психеи» наших пращуров, породил человеческий «язык», непрерывно расширяя и совершенствуя его лексикон и формы, а «язык» породил человеческий «разум», непрерывно развивая и совершенствуя алгоритмы производимого им продукта.*

Указанная взаимозависимость и взаимообусловленность главных человеческих «начал» и приводит к пониманию сути настоящей категории – категории «разум и язык»

Опираясь на факты человеческой Истории, она обнажает ту систему, где и по сей день втайне от человека проистекает их непрерывное «движение» (исторический бег). То, что с момента возникновения этой системы ее «начала» непрерывно развивались, свидетельствует весь ход нашей Истории. Если на ее заре, они позволяли нашим далеким предкам производить лишь каменные скребки и топоры, то теперь их сила возросла настолько, что позволяет нам строить сложнейшие машины, покорять космос и извлекать Энергию («дух») из атомов «простых веществ».

Для более глубокого понимания сути настоящей категории следует заметить, что по своей макроструктуре и принципу функционирования система «разум и язык» (см. рис. 2) мало чем отличается от конструкции и принципа функци-

онирования любого рукотворного «автомата», то есть такого технического устройства, которое способно производить некое стандартное и периодически повторяющееся действие.

К примеру, рассмотрим принцип действия любого автоматического оружия. По философским меркам в качестве «начал» в таких системах выступают а) боевая пружина, способная аккумулировать в себе «чудотворную силу» порохового заряда патрона и б) «чудотворная сила» пороха, находящегося в патроне в «угнетенном» («сжатом») состоянии. Функционирование такой системы с философских позиций следует трактовать примерно так: как только «чудотворная сила» сжатой пружины «почувствует» немощь своего визави – силу «духа» пороховых газов, она немедленно наносит удар по своему супостату – «пороху», находящегося в патроннике. Реагируя на этот удар порох испускает очередную порцию своего «духа», которая, почувствовав власть, приводит силу пружины в исходное состояние. Таким образом в автомате сила сжатой пружины («дух» Гаусса, согласно Науки) направлена против силы порохового заряда патрона. Так что в ружейном автомате реализуется все та же «война», правда «война» не таинственных «духов», а естественных сил Природы, которые древние называли «противоположностями».

То же самое можно сказать и о принципе действия любых «автоматов». Рабочими элементами таких устройств, например в радиоэлектронике, являются такие его «начала», которые, обладая диаметрально противоположными ремеслом,

стремятся, по философским меркам, к «власти». Функционирование таких устройств состоит в автоматическом преобразовании им потенциальной энергии, подводимой к его «началам» (энергии покоя, Эп) в кинетическую энергию (энергию движения – Эк). Автоматизм такого преобразования достигается за счет «рукотворной» организации глубокой положительной обратной связи между его «началами» так, что каждое из них обладая Эп стимулирует генерацию Эк другого. При этом важно отметить, что в этих устройствах так же, как и в обсуждаемой нами системе невозможно понять, какое из ее «начал» является «перводвигателем» или «первопричиной» преобразующим Эк в Эп. Но, как и в нашей системе, при разрыве связей между его «началами» автоматы мгновенно прекращают свою деятельность. Они распадутся на две его части, в каждой из которых уже невозможно обнаружить таких его «деятельных» свойств, которые они проявляют себя в целом, в «автоматах». Они так же, как элементы «разум» и «язык» в нашей системе напрочь утрачивают свойства «думать» и «говорить». Именно об этом и «повествует» философская категория «часть и целое» или гегелевский Закон перехода количественной меры («разум» + «язык») в новое качество – «мышление».

Однако между «автогенератором» и обсуждаемой нами системой есть и принципиальное различие. Оно заключается вовсе не в том, что первая из них является «рукотворной», а вторая – естественной, «живой» системой биологич-

ческого свойства. Главное различие меж ними состоит в том, что рукотворный «автогенератор» не является системой диалектической: в ходе своей «деятельности» он не может менять структуру или качество своих «начал». Предмет же наших суждений – система «разум и язык» – такими свойствами обладает. Это естественная система. Ее инженером является Природа, которая живет и «движется» исключительно по гегелевским Законам так, что каждое из образующих ее «начал», стремясь к власти, стимулирует «движение» своего визави путем количественного изменения его структуры, а, следовательно, и его качества.

Изначальная значимость настоящей категории состоит вовсе не в том, что она отрицает существование того явления, которое наши Великие предки нарекли «разумом». Она парирует лишь нашу самоочевидную истину, нашу иллюзию, будто бы он, равно как и якобы существующий во Вселенной его двойник («Нус», «Логос», понимаемых обывателями как Бог или Творец) способен мыслить, то есть действовать автономно. Этот ноумен, если следовать приведенным нами фактам человеческой Истории, даже не способен пробудиться, а не то, что б саморазвиваться («двигаться»). Без своего визави – «языка», то есть без той продукции, которую он сам сотворяет априори, это просто невозможно. Тем самым категория «разум и язык» пресекает любую трактовку или любые суждения человека об этом явлении как о генераторе «идей». Отнимите у философского «разума» его

«языковую» продукцию (как это сделал по своему невежеству персидский падишах) и она, эта категория любителей мудрости, эта ложно определенная и понимаемая ими «субстанция» (или свойство высокоорганизованной материи) канет в вечность. Она минует любого человека до конца его дней. А без этой таинственной «субстанции» или не менее таинственного свойства высокоорганизованной материи, человек превращается в обычное животное, которое нельзя даже назвать «гоминидом», поскольку плоть его уже «изуродована» теми искусственными технологиями, которые породила система и которые помогли нашим предкам выжить как биологическому виду. (Которая лишила их тех «клыков, рогов и копыт», о которых в свое время говорил Ф. Ницше).

Таким образом, категория «разум и язык», вгоняет наши главные «начала» в такие «диалектические сети» выбраться из которых им вряд ли теперь удастся. Она в корне меняет архаичное воззрение и философские «догмы» (парадигмы) наших предков и утверждает:

1) человеческий «разум» не есть автономно мыслящее «начало» (как это и по сей день понимают философы): без своей продукции и своего Творца – «зыка», это наше «начало» не может не только существовать, но и возникнуть;

2) человеческий «язык» не есть «функционирующее средство общения» (как об этом говорят лингвисты): без его создателя или Творца – «разума», говорить о его функционировании – вопиющая нелепость, абракадабра.

подкрепленная фантазия самих наших «начал». Она немедленно обнаруживает себя, если без всякой предвзятости провести простой анализ приведенных выше фактов человеческой Истории.

Действительно, попытаемся ответить на простейший вопрос: ошибались ли «мудрецы» падишаха в том, что оторванные от родителей дети наделены «разумом» в силу их человеческой природы?

Если даже опираться на здравый смысл, то ответ на него может быть только один: нет, не ошибались. В отличие от иных животных это «начало» есть у каждого новорожденного малыша, только оно, как заметили психологи с легкой руки Д. Локка (английский философ-материалист 1622–1704 г. г.) в моменты его появления на свет, пребывает в состоянии «чистого листа» («чистой доски»). Такое состояние «разума» малыша нетрудно понять, если провести следующую аналогию.

Сталь, которая вытекает из бессемеровской печи, обладает удивительным свойством: ее структура в любой отлитой болванке принципиально однородна. В них нет никаких напряжений. Такие «напряжения» в них возникают лишь тогда, когда болванка подвергается обработке молотом. Чем больше ударов наносит молотобоец по болванке, приводя ее в рабочее состояние, тем больше напряжений возникает в ней. То же самое происходит и с «психеей» головного мозга малыша. В моменты его рождения структура его «психеи»

весьма однородна. Но с появлением его на свет, она тут же подпадает под прессинг «языка» соплеменников. При этом «единицы» их речи подобно молоту молотобойца вносят напряжения в «психею» малыша. И хорошо, что эти напряжения несут малышу радость. А если огорчение? А если эти «огорчения» не были своевременно отработаны его «психеёй» и остаются неразрешенными в его голове? Разве они не повлияют на его жизнь в будущем?

Но мы опустим подробности и лишь укажем, что с позиции рассматриваемой категории состояние «психеи» новорожденных находится в зачаточном состоянии. И не только потому, что оно у них еще не созрело биологически, сколько потому, что оно еще не подвергалось физическим атакам «зыка» соплеменников.

Так в чем же тогда заблуждались «мудрецы» падишаха. Почему проведенный им эксперимент посрамил их. Ответ видится лишь в одном – в извечном заблуждении человека, что его разумное «начало» обладает статусом автономной деятельности – «мышлением». Таким статусом, подсказывает она, обладает вовсе не «разум», а система – система «разум и язык».

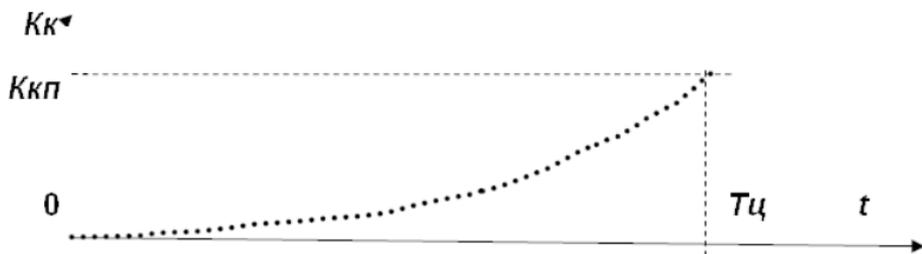
Мы не знаем, чем закончится бесконечная череда событий типа: ... – «разум» – «язык» – «разум» – «язык» – «разум» – ... и т.д. и «сообразит» ли эта система принести человечеству покой и счастье на нашей планете?

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Не секрет, что в рамках жизни каждого из нас «когнитивное» (познающее) свойство нашей системы исчисления вершит свой «бег». Причем, по одному и тому же сценарию. Оно начинает свой «разбег» с нуля (с «чистой доски» или с «чистого листа», если следовать Локку или вторившим ему психологам). Но примерно к 5–7 годам под натиском «языка» соплеменников, наш потомок уже считается социально вооруженным. При этом в любом поколении людей сила его познания бытия неизменно растет, но упирается в какой-то «потолок». Этот «потолок» никогда не имел общепринятого количественного мерил, зато диапазон его качественных (вербальных) оценок «вещей», наблюдаемых нами, весьма широк.

В рамках настоящей работы мы будем затрагивать их лишь по мере необходимости. Здесь же, мы попытаемся заострить внимание читателя на тот факт, что когнитивный «потолок», достигаемый нашей системой исчисления бытия, напрямую зависит от «потолка» этой же системы у тех соплеменников, которые на протяжении нашей жизни (и особенно в ее начале) вольно или невольно становились нашими «учителями» или «кумирами», то есть людьми, в «знания» и «авторитет» которых мы вынуждены (в силу отсутствия личного «опыта») безгранично верить.

Качественно и в первом приближении, изложенное наглядно иллюстрирует рис.1.1, где ось ординат условно отражает некоторую меру развитости нашей системы в когнитивном плане (**Кк**). При этом точка **Ккп** на ней указывает на «потолок», то есть на тот уровень познания обустройства бытия, которую наша система постигла на интервале всего нашего «жизненного пути» (жизненного «цикла», (**0 – Тц**).

*Рис. 1.1. Характер «бега» когнитивного качества нашей системы исчисления бытия «в масштабе» нашей жизни (**Тц**)*

Если бы мы ничего не знали о жизни наших далеких предков, нам было бы трудно судить о том, вершил ли наша система свой когнитивный «бег» в историческом плане. Однако, даже школьные знания о человеческой Истории дают нам все основания утверждать, что и в этом масштабе Времени он имел место быть. Мало того, можно утверждать, что сам характер ее исторического «бега» имел такой же вид, как и его «бег» на интервале нашей жизни. Действительно, если на

заре человечества эта система позволяла наших пращурам «рукотворно «сотворять» лишь каменные скребки и топоры, то теперь ее качество позволяет нам создавать сложнейшие машины и механизмы и смело обращает наш взор на освоение космических далей.

С учетом изложенного, не составляет особого труда графически воссоздать картину когнитивного бега нашей «системы» в масштабе всей нашей Истории. Ее вид (так же качественно и в первом приближении) иллюстрирует рис.1.2, где кривая Ku суть график этого его «бега», а $Kци$ – «графики» когнитивного качества нашего «разума» в рамках жизни i -х поколений наших предков, ушедших «в мир иной».

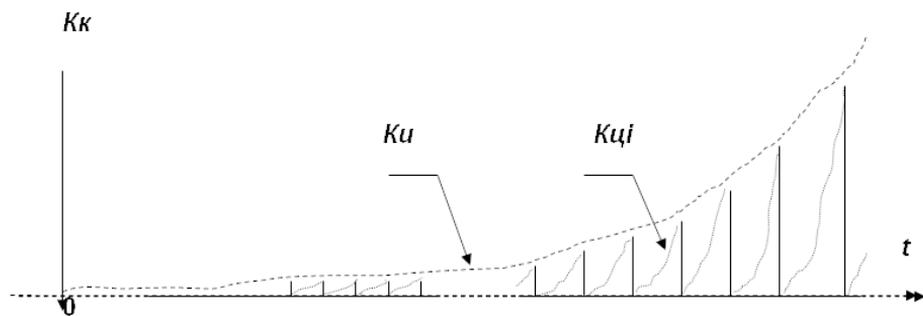

Рис 1.2. Тайный процесс когнитивного «бега» системы «разум и язык» в масштабе исторического Времени

Приведенный рисунок, пусть качественно и в первом приближении, но дает нам возможность не только целиком обозреть (охватить) саму проблему «нерукотворного сотворе-

ния» нашей «системы» врального исчисления бытия, но и предметно говорить именно о том, о чем пытались судить Великие люди ушедших поколений.

Да, когнитивное качество (*Кк*) нашей системы исчисления всегда, в любые моменты времени ее существования, было ограниченным. Но эта ее «ограниченность» обусловлена вовсе не его «потенцией» постигать реальную действительность, которую в свое время искал Великий Кант, а исключительно «потолками» ее «зрелости» в те моменты исторического Времени, когда «любители мудрости», пытались оценивать ее. Современник тоже может говорить об ограниченности своей системы исчисления бытия, и не только своей, но и «коллективной», то есть совокупной системы исчисления всех людей, ныне живущих на планете. Разве «белые пятна» или «черные дыры» (особенно в фундаментальных областях наших знаний о себе и бытие) не являются тому свидетельством?

Вместе с тем, сам характер «бега» нашей познающей системы в масштабе исторического Времени, ее «бег», так сказать, «на гребне людских поколений» (см. рис.1.2), не дают нам права говорить о какой-то его «потенции» постигать глубины реальной действительности. Напротив, он свидетельствует, что эта его «потенция» бездонна в такой же степени, в какой бездонна и та таинственная реальия бытия, которую мы исчисляем словом «Время».

Характерно, что биологи, в ходе изучения животного ми-

ра нашей планеты, открыли удивительный Закон. Он вошел в нашу Историю под именем Геккеля, который не без основания стал утверждать, что развитие телесной стати особи любого животного в «онтогенезе» (за время своей жизни на Земле) является краткой рекапитуляцией протекания его жизни в «филогенезе» (в историческом масштабе времени).

Если следовать нашим суждениям, то сей Закон в полной мере распространяется не только на процесс саморазвития биосферы нашей планеты, но и на процесс развития ее «ноосферы», то есть на процесс саморазвития психофизической системы «разум и язык». Можно смело утверждать: ее развитие в «онтогенезе» есть краткая рекапитуляция ее развития в историческом масштабе времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

О происхождении человека

Одной из главных проблем «Человекознания», как известно, является проблема происхождения на Земле самого Человека. К настоящему времени человечество руководствуется, по сути, двумя его решениями – «теологическим», пришедшим к нам из глубины веков, и «марксистским», рожденным в 19-м веке. Однако следует заметить сразу, что

оба эти решения философские, то есть содержащие в себе ту или иную степень человеческого субъективизма, профанации (фантазии) или, проще говоря, – «его исторического невежества».

В основе теологического решения лежит библейская сказка о сотворении Мира, утверждающая, что человек, наряду с иными «животными», «чудесным образом» был сотворен всемогущим «Творцом». В теологии монотеизма этот «Творец» именуется «Богом», а в философии «идеализма» (адептами этой теологии) – «Логосом» (Гераклит, кон.6 – нач. 5 века до н.э.), «Нусом» (Анаксагор, 4 век до н.э.), или вселенским «Разумом» (старославянский перевод анаксагоровского «Нуса»).

В основе марксистского решения, лежит эволюционная теория Дарвина, где утверждается, что главным оппонентом, породившим человека, является «труд», то есть его целенаправленная коллективная деятельность.

Опираясь на сущность категории «разум и язык», появляется возможность максимально приблизить решение обсуждаемой проблемы к «истине». Жесткая диалектическая взаимосвязь между главными человеческими «началами», заставляет признать, что превращение биологического вида Номо в Номо sapiens непосредственно связано с возникновением и «движением» в его «психеи» особой системы «исчисления бытия» – психофизической системы «разум и язык». Сей факт легко парирует марксистские инсинуации о

происхождении нашего «языка», который якобы «вплетался» в трудовую деятельность первобытных людей. Порождая в своем «движении» «слова», а затем и «предложения», напрочь связанных с «вещам» бытия, в этой системе постепенно саморазвивался процесс человеческого «мышления», изначальная сущность которого – «сооружение фонограмм слов» (с привязкой их к «вещам для нас»), затем – «сооружение из слов» частных суждений о фрагментах бытия и, наконец, «сооружение из частных суждений, суждений философского толка, то есть умозаключений».

Иными словами, с позиций рассматриваемой категории, вопрос о превращении биологического вида *Homo* в *Homo sapiens* имеет более глубокие гносеологические корни, нежели те, которые трактует «трудовая» гипотеза философов-экономистов.

В пику нашим суждениям, их гипотеза, фактически, утверждает, что главным оппонентом, пробудившим в *Homo* человеческие «начала», является «труд», то есть его коллективная «трудовая» деятельность». Но следует заметить, что «труд» сам по себе уже предполагает человека разумного, то есть наличия у него рассматриваемой «системы». Об этом, не замечая противоречивости своих суждений, говорят и сами классики марксизма. Вспомните, например, их притчу о различии в поведении («деятельности») обычных животных и человека: прежде чем произвести предмет своего «труда» (например, каменный топор) человек, изначально, «со-

оружает» в своей голове его «умозрительный» образ, то есть такую его виртуальную «модель», с которым он никогда ранее не «сталкивался», не наблюдал.

Однако такую «модель» в своей голове животное может «соорудить» лишь при одном условии – при наличии в ней уже развитой «системы исчисления бытия», которая должна, во-первых, быть способной свободно «извлекать» из «банка» своей памяти образы ранее наблюдаемых ей явлений, во-вторых, не менее «свободно» жонглировать ими и случайно (эвристическим путем) «сооружать» из них в уме полезные для своей практики предметы. Такими свойствами как раз и обладает человеческая система «разум и язык»: только она способна с помощью своей продукции – «слов» – извлекать из «памяти» образы любых «вещей» бытия; только она в унисон своей «свободной» языковой фантазии способна «эвристически» (случайно) объединять их и пробуждать в своем уме ассоциации полезных для себя предметов.

Не вызывает особых сомнений, что «труд» сыграл существенную роль в становлении «человека», в становлении его «фантазирующей системы». Но приведенные факты нашей Истории упрямая вещь. Они указывают, что непосредственным «началом», стимулировавшим появление человеческого «разума», а, следовательно, и самого человека. является вовсе не «труд», а конечная «продукция» самой этой системы – «язык». Отсюда следует, что основоположники «диалектического материализма» в своих суждениях о первопри-

чине «рождения» человека на нашей планете упустили очень важное звено – то, которое, с одной стороны, диалектически связывало человека с Природой, а, с другой, – с его «трудом».

Иными словами, проблему «рождения» человека на нашей планете марксисты пытались «объяснить» в рамках системы:

$$\text{«Природа»} \begin{array}{c} \longrightarrow \\ \longleftarrow \end{array} \text{человек} \begin{array}{c} \longrightarrow \\ \longleftarrow \end{array} \text{«труд»}, \quad (1)$$

где знак выражает диалектическую «взаимообусловленность» (взаимную стимуляцию) образующих эту систему «начал».

Наши же суждения дают все основания для приведения ее к виду:

$$\text{«Природа»} \begin{array}{c} \longrightarrow \\ \longleftarrow \end{array} (\text{«разум»} \begin{array}{c} \longrightarrow \\ \longleftarrow \end{array} \text{«язык»}) \begin{array}{c} \longrightarrow \\ \longleftarrow \end{array} \text{«труд»}, \quad (2)$$

где диалектическая система внутри скобок и есть предмет наших размышлений. Она раскрывает категорию «человек» через главные его атрибуты и тем самым обнажает ту систему, в рамках которых зарождались слова и предложения. Но именно эта система «выпала» из суждений классиков марксизма. Не поэтому ли их вердикт, что «человека по-

родил труд», часто вызывал и вызывает (особенно у прогрессивных психологов) известные недоверие и сомнение. Затрагивая вопрос о происхождении человека, марксисты пытались решить ее в рамках системы (1). где наши главные «начала» даже не нашли своего отражения. При этом появление нашего «языка», этого «проклятья материи», по меркам марксизма, «объяснялось» ими с удивительной легкостью, в обыденно-витиеватом философском ключе (благо человеческая система «разум и язык» безудержна в своей фантазии): появление этого нашего «начала» марксизм «связывал» с... «потребностью» наших пращуров «что-то сказать друг другу» в ходе их совместного (коллективного) «труда» (Ф. Энгельс). Другими словами, по мнению марксистов, одно из главнейших человеческих «начал» – «язык», как бы, между прочим, «вплетался» в трудовую деятельность наших далеких предков, став его «средством общения». Но подобная философия по отношению к «языку» так же, как и философия марксизма по вопросу о происхождении человека не выдерживает элементарной критики. Достаточно сказать, что она противоречит самому марксизму, утверждавшему, что в Природе никогда и ничего не возникало и не развивалось по чьему-либо желанию или «потребности». В ней «царствуют» объективные и Единые ее «рычаги», приводящие в «движение» любую ее сущность. Такими ее «рычагами» и являются

Законы диалектики.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

«Вначале было слово, и слово было у бога и слово было Бог». Так начинается свое повествование о сотворении телесного Мира апостол Иоанн. С позиций настоящей категории эта его крылатая фраза близка по форме, но весьма далека по содержанию. Вместе с тем именно она наталкивает на мысль, что сами слова, смысл которых наша система исчисления постигла в историческом масштабе времени, являются теми отметками ушедшего Времени, которые люди считают безвозвратно утраченными. Да, фонетический строй слов, которыми наши предки исчисляли бытие, изменялся. Но их смысл оставался неизменным. Слово «топор», например, независимо от того был он каменным или нет, не утрачивает своего смысла и по сей день. И как бы оно фонетически не исчислялось в прошлом, его значение остается прежним. С этой точки зрения и воспроизведена наша История во времени (см. рис.3.1.)

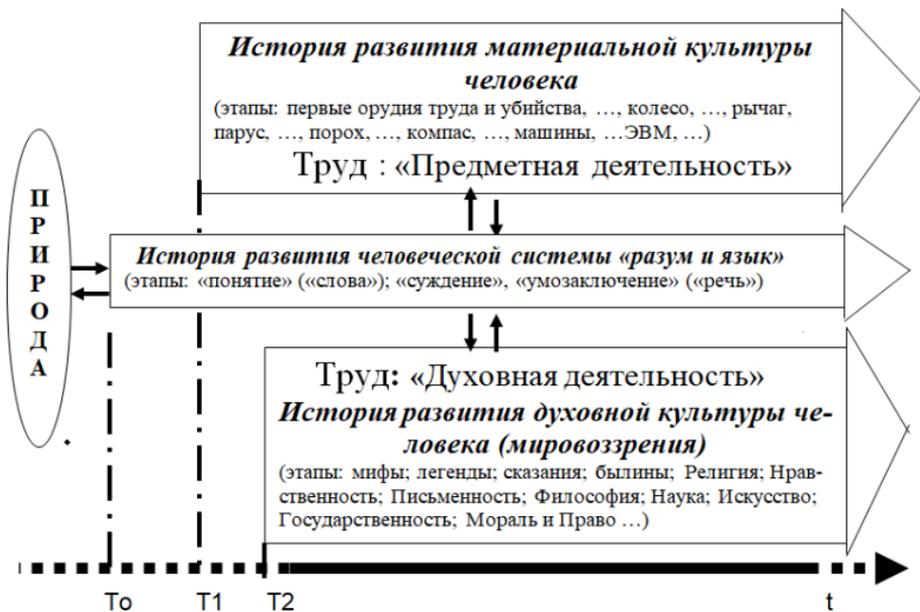

Рис. 3.1. Структура «движения» человеческой Истории с позиций категории «разум и язык»

«Движение» нашей Истории во Времени на этом рисунке отображено в виде «бега» трех диалектически взаимосвязанных между собой частей («стрел»), каждая из которых олицетворяет собой одну из сторон ее «движения»: верхняя и нижняя «стрелы» – ее материальный и духовный «бег», средняя же «стрела» – историю «бега» предмета наших суждений.

Средняя «стрела» всегда была «перводвигателем» человеческой Истории: именно она темпами своего «бега» (своего саморазвития) задавала и определяла темпы «бега» осталь-

ных ее частей. Саморазвиваясь стихийно (эвристически), путем расширения «объема» своей «языковой» продукции, именно она в унисон этому своему «объему» и формировала человеческое Мироззрение, его интеллект и Культуру, именно она определяла направления его предметной и духовной деятельности.

С точки зрения настоящей категории, динамику «бега» верхней и нижней стрел определяет череда тех слов, которые следует воспринимать как исторические «потолки» или вершины трудовой и духовной деятельности человека. Выше тех «вещей», которые они исчисляют, человек не только не мог производить, но и мыслить. Создавая свою Историю своим «трудом» и «философствованием», человек никогда не связывал, да и не помышлял связывать ее с Историей саморазвития того «инструмента», который позволял ему «трудиться» и «философствовать».

Такая ситуация обусловлена тем, что Историю саморазвития своих главных «начал», скрывало ушедшее Время. Ее определяли особые, извечно покрытые мраком таинства «слова», к которым человек всегда относился не иначе как к «чуду» или «божьему дару». Паритет, который существует между нашими «началами», о чем и говорит категория «разум и язык», и их диалектическая взаимосвязанность, позволяют нам восстановить нашу Историю не только с позиций его трудовых артефактов, но и с позиций иных отметок Времени. Такими отметками как раз и являются те слова, с

помощью которых система осмысливала бытие. Они с легкостью парируют всякие суждения о том, что об этой части своей Истории (особенно о ее начале) человек никогда и ничего не узнает, дабы система «разум и язык», не оставляет в ней своих «отметок» или «следов». Такие суждения глубоко ошибочны. «Отметки» или «следы» этой части человеческой Истории существуют: именно они несут в себе смыслы тех слов которые обнажают предметы его труда, и которые вливались в лексикон нашего «языка», будь они физическое или духовного свойства.

Именно об этом и гласит библейская «мудрость» Иоанна. Применительно к нашей теме, сей его тезис означает, что этапы развития «речи» у человека исторически проявляют себя именно в «словах», в их «номинальных» смысловых значениях. По своей сути слова превращаются в «отметки» ушедшего Времени. Разве можно сотворить каменный топор без уже развитой у человека системы исчисления бытия. Разве можно воспроизвести в уме виртуальный образ топора – предмета, с которым наш предок никогда не сталкивался в своей жизни. Конечно же, нет.

Но именно этот факт – признание «слов» в качестве отметок того «потолка», или уровня его Мироззрения, которым владели наши предки, и заставляет нас говорить о своей Истории в ином ракурсе: не через призму тех «трудовых» следов, которые наши предки оставили на Земле, а через призму тех «слов», которыми он их исчислял. Рассмат-

риваемые категории позволяют человеку взглянуть на свое прошлое именно под этим ракурсом. Она позволяет взглянуть на нее через призму тех «слов», которые превращались в особые ориентиры его «труда». Ну не мог человек сотворить каменный топор без уже достаточно развитой его системы исчисления, его «речи», в которой уже содержались такие слова, как «заточенный», «камень», «палка», «веревка». Разве не смыслы этих слов сподвигли «разум» случайно (эвристически) соединить их вместе. Мы не можем точно сказать, каков был фонетический строй таких слов, но то, что именно их объединение («синтез») в анналах нашей системы и ознаменовало появление в лексиконе наших предков слова «топор» или нечто похожее по смыслу на это слово – неоспоримый факт.

При таком взгляде на свою Историю нетрудно видеть, что ее «трудовые» свидетельства есть, прежде всего, свидетельства отчуждения этой системой у Природы жизненно важных понятий для исчисления предметов своего «труда». Иначе говоря, к «трудовым» свидетельствам человеческой Истории следует относиться, прежде всего, как к этапам «удачных» фантазий нашей системы – к таким, которые человек смог реализовать на практике, удовлетворяя тем самым свои желания и стремления.